

УДК 304.444

ПОПОВ Е.А., д. филос. н., профессор (АлтГУ)
г. Барнаул

БУГАЗОВ А.Х., д. филос. н., профессор (КРСУ)
г. Бишкек

БЕЛИКОВА Е.К., канд. культурол., доцент (МГУ им. М.В. Ломоносова)
г. Москва

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ ПРИРОДА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Любая интеллектуальная деятельность субъекта связана с интеллектуальной культурой, обеспечивающей прежде всего систематизацию и осмысление/переосмысление полученной информации или конкретных знаний в той или иной области человеческой коллективной и индивидуальной жизнедеятельности. Помимо этих сложных процессов, понятием интеллектуальной культуры может охватываться, по сути, любая соответствующая деятельность субъектов-интеллектуалов. Как известно, интеллектуальные движения, группы ориентированы на теоретизирование и рефлексирование по поводу значимой для человека, общества, культуры или государства проблемы; их труд не только развивает исследовательские навыки субъекта, но и укрепляет интеллектуальную культуру как основу такой целенаправленной деятельности.

Проблема концептуализации интеллектуальной культуры субъекта связана с тем обстоятельством, что зачастую она идентифицируется как «побочный продукт» аналитической деятельности человека и рассматривается в качестве набора знаний, умений и навыков в определенной сфере. Между тем интеллектуальная культура имеет выраженную ценностно-смысловую природу и, если ведется речь о её значении для поддержания активности интеллектуалов и их социальной миссии, необходимо иметь четкие представления о её сущности. С этой целью в настоящей статье будут отражены основные характеристики ценностно-смысловой природы интеллектуальной культуры субъекта (интеллектуала).

Прежде всего определимся с «рабочим» вариантом дефиниции интеллектуальной культуры как в широком смысле — в смысле социокультурного образца, передаваемого в системе традиционных или инновационных ценностей и норм от одной общности субъектов к другой (здесь речь идет чаще всего о межпоколенческих отношениях), так и в узком — применительно к деятельности интеллектуалов, связанной с переосмыслением и аналитическим обобщением актуальных проблем прошлого, современности и будущего. Подчеркнем, что в обоих указанных случаях интеллектуальная культура выступает своеобразным маркером вживания субъекта в реальность и оценивания ее состояний — социального, экономического, политического и т.д. Вместе с тем в широком смысле данный вид культуры представляет собой ценностно-нормативную систему, обеспечивающую консолидацию или преемственность субъектов, чья деятельность не кон-

кристализирована, но в то же время связана с теоретизированием и осмысливанием/реосмысливанием ключевых вопросов бытия. Очевидно, что необходима и уточняющая позиция, если, к примеру, речь идет об интеллектуалах; в таком случае интеллектуальная культура как ценностно-смысловая система обеспечивает привитие навыков и наступление таких состояний, при которых субъект проявляет способности к широким и значимым для восприятия и понимания проблем бытия обобщениям.

В любом случае интеллектуальная культура проявляется в ее ценностно-смысловой природе. По мысли Д.Г. Подвойского, «в той мере, в какой индивид в своем отношении к миру оперирует ценностями, он внедряет в этот мир субъективные смыслы и значения. Коллективно разделяемый и социально генерируемый интерсубъективный мир смыслов и значений, собственно, и есть то, что мы называем культурой человеческого общества. Всякий культурно значимый объект приобретает так или иначе символическое измерение, сам выступая в качестве символа — обозначения, выражения, отражения, маркера, способа фиксации... того, что имеет или приобретает определенный смысл для человека в качестве доброго и злого, достойного восхищения и преклонения, отвратительного, прекрасного, справедливого, презренного, величественного... etc.» [3, с. 6].

Интерсубъективный (или же интерсубъектный) характер интеллектуальной культуры исследуется в рамках различных подходов. В частности, эвристическое значение приобретают интериоризационный [6; 7] и семиотический аспекты. Относительно первого из них, как полагает Л. Драммонд, следует иметь в виду, что накопленный опыт субъектов подлежит обязательной трансляции последующим поколениям; это предполагает и передачу ценностей интеллектуальной культуры общностям и группам [5, р. 30]. В качестве таковых общностей также могут выступать интеллектуалы.

Как известно, для культуры вообще характерно многообразие ее ценностных структур и развертывание творческого начала [1]. При этом следует иметь в виду, что «ценостно-нормативная система сущностно призвана обеспечивать собой обмен культурными универсалиями и традициями между поколениями. Она выступает гарантом устойчивости любого общества на определенном историческом этапе» [2, с. 65]. Между тем нередко к явлениям или атрибутам культуры относят некие утилитарные предметы или вещи, называя их в любом случае производными интеллектуальной и материальной деятельности человека, — например, стул и стол рассматриваются как явления культуры. Все же если речь идет об интеллектуальной культуре (как, собственно, о культуре в общечеловеческом ее понимании), то здесь важно уйти от утилитарных трактовок и идентифицировать культуру по ее ценностям, образцам, которые передаются от одного поколения носителей культуры другому. В противном случае культура предстает как набор неких средств, обеспечивающих лишь рутинную повседневную жизнь субъектов (к вопросу о стуле и столе). Совершенно неуместны подобные трактовки, если речь заходит об интеллектуальной культуре; для нее скорее характерны такие ценностные структуры, которые связаны с развитием человеческого

мышления и мировоззрения, «аналитикой бытия». В этом смысле следует идентифицировать систему ценностей, определяющих специфику интеллектуальной культуры.

Прежде всего обратимся к ключевым функциям интеллектуальной культуры и соотнесем каждую из них с той или иной ценностной структурой человеческого бытия. Важнейшей функцией является познавательная, — хотя применительно к интеллектуализму она приобретает оттенок «функционального познания», когда в ходе аналитической деятельности происходит обобщение или накопление соответствующего аналитического материала: теорий, концепций, подходов, систем оценивания и управления и т.д. Важно и то, что этот накопленный материал должен обязательно найти применение — например, стать частью научного направления или объектом проектной деятельности в различных сферах жизни. С этой точки зрения ключевой ценностной структурой, соотносимой с познавательной функцией интеллектуальной культуры, является интеллектуализм, в рамках которого развиваются и различные движения интеллектуалов.

Интеллектуализм представляет собой в ценностно-смысловом плане совокупность привитых навыков или сформированных возможностей для глубокого и всестороннего обобщения актуальных проблем бытия, являясь при этом неотъемлемым элементом интеллектуальной культуры субъекта [см., например: 4]. Важно заметить, что интеллектуализм становится ярчайшим признаком интеллектуалов, которые не просто проявляют склонность к теоретизированию и рефлексии, но также и отдают себе отчет в необходимости оценивания/переосмысления ключевых вопросов человеческого бытия. Таким образом, именно интеллектуализм определяет развертывание интеллектуальной культуры в ее ценностно-смысловой определенности и одновременно может рассматриваться в качестве одного из важнейших показателей данного типа культуры при проведении соответствующих социокультурных теоретических и прикладных исследований в рамках современного социально-гуманитарного знания. Примечательно, что именно интеллектуализм может расцениваться как особенная черта интеллектуалов в части формирования соответствующего интеллектуального капитала — знаний, систем знаний, концепций, проектов и т.д. Конечно, при таком положении дел следовало бы особое внимание уделить соотношению этих двух феноменов, однако в рамках данной статьи это не представляется возможным. Вместе с тем подчеркнем, что интеллектуализм — явление субъектное, индивидуальное, приобретенное в силу тех или иных как объективных (человеческий генотип), так и субъективных (уровень соответствующего образования, нравственного воспитания, профессиональной квалификации, опыт деятельности в той или иной сфере и др.) обстоятельств. В то же время интеллектуальная культура может быть идентифицирована и в субъектном плане, и с точки зрения её значения для множества социокультурных и цивилизационно-культурных процессов.

Безусловно, интеллектуальная культура выполняет ряд других значимых функций, так или иначе сопряженных с ценностно-нормативной определенностью. Если вести речь о феноменах культуры, то для установления их основных характеристик важное значение приобретает критерий *ценостно-нормативной определенности*: в ситуации, когда таковой не наблюдается, вряд ли возможно

утверждать, что мы имеем дело именно с феноменами культуры, а не с явлениями производства или управления, технологиями, проектированием и т.д. Для этих явлений скорее характерна ценностно-нормативная неопределенность – так или иначе их сложно встроить в систему социокультурных образцов, передаваемых между поколениями и становящихся связующими элементами морали, искусства, науки, философии, мифологии и т.д. Бессспорно, названные феномены имеют свою ценностную природу, но она скорее всего определяется некоторыми вторичными условиями детерминации человеческого бытия – например, для управления значение имеет управленческий капитал, эффективность решений, менеджмент качества и т.д. Отметим, что под ценностно-нормативной определенностью следует понимать соответствие того или иного идентифицируемого явления *как культурного* в системе связанных с ним ценностей и норм, а также культурных (или социальных/социокультурных) образцов, передаваемых между поколениями носителей культуры. С этой точки зрения интеллектуальная культура не только обеспечивает ценностно-нормативную определенность, но и сама в полной мере ей соответствует, развертываясь в кодах, символах, образцах, знаках.

С учетом этих обстоятельств имеет смысл вести речь о регулятивной функции интеллектуальной культуры, проявляемой в достижении ценностно-нормативной определенности или системности, в которой пребывает или должен пребывать любой феномен культуры. Таким образом, интеллектуальная культура регулирует систему ценностей и норм, распределяя их по иерархиям и значениям, возможно, условным кластерам и т.д. Но в любом случае, в отличие от иных видов культуры (например, массовой, утилитарной), интеллектуальная культура оказывает воздействие на упорядочивание ценностей и норм – между ними устанавливается единство (или определенность), которое формирует интеллектуализм и соответствующие ему качества личности.

Итак, ценностно-смысловая природа интеллектуальной культуры определяется системной спецификой ценностей и норм, ей присущих. Признак системности становится важнейшим в силу того, что именно на ценностях базируются интеллектуальные потребности и возможности субъектов. Система ценностей и норм между тем предполагает их прочную связь, интериоризацию соответствующего социального опыта. Поскольку интеллектуальная культура обеспечивает прежде всего передачу социокультурных образцов, то для этого процесса имеет значение направленность такой трансляции.

Отметим далее некоторые аспекты формирования интеллектуальной культуры. Прежде всего следует обратить внимание на круг отношений, которые так или иначе находятся под влиянием интеллектуальной культуры: (1) субъект-субъектные взаимодействия: в их основании лежат не только межличностные отношения, но и возможность гибкой трансляции тех или иных ценностей и норм от одного субъекта другому; так, например, ценности ума, знания, познания отражают бытие субъектов, но одновременно являются образцами для межпоколенческой и межгрупповой трансляции — при этом подчеркнем, что все эти ценности принадлежат к классу терминальных, а значит, определяющих бытие и раз-

вение человека; (2) субъект-объектные взаимодействия: объектом интеллектуальной культуры являются все атрибуты бытия, способствующие как чувственно-эмоциональному, так и рациональному познанию реальности. В то же время в зоне внимания субъектов оказываются природа, космос, информация, Вселенная, Бог и т.д. — их осмысление возможно как на уровне повседневности (в русле ценностей быта или ценностей материальной культуры), так и в ситуации обобщений, анализа, синтеза, в ходе чего происходит накопление и развертывание интеллектуального капитала. Следовательно, ценностные структуры познающего субъекта должны соотноситься с ценностной природой тех явлений и процессов, которые субъект постигает, а интеллектуальная культура ему в этом способствует.

Особняком стоит вопрос об объект-объектных отношениях, однако они вряд ли имеют значение для развертывания интеллектуальной культуры, т.к. их сущность заключается не в передаче социокультурных образцов, а в удержании традиционных значений, закрепленных за ними, — так, например, стул и стол по-прежнему будут атрибутировать комфорт, удобство, утилитарность и никогда не станут обозначать иную систему значений. Вероятность того, что данные атрибуты утилитарного, повседневного бытия человека когда-либо приобретут статус «интеллектуализированных» объектов предельно снижена, если вообще возможна.

При характеристике интеллектуальной культуры также имеет смысл обратить внимание на ее динамику и статику. Первое обозначает трансформацию ценностей и норм, «закрепленных» за данным видом культуры, второе — ценностно-смысловой традиционализм, обеспечивающий преемственность социокультурных образцов. Динамика интеллектуальной культуры, таким образом, проявляется в смещении ценностей в сторону интеллектуализации субъекта и включенность в сферу активной интеллектуальной деятельности, а статика обозначает сохранение образцов или ценностей традиционной деятельности, определяемой прежде всего особенностями полученного образования.

Таким образом, ценностно-смысловая природа интеллектуальной культуры раскрывается в ее основных функциях, а также в ценностно-нормативной определенности ее развития и развертывания в социокультурной реальности.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 251-518.
2. Бобина Г.С. Конституция России как фактор сохранения традиционных ценностей и норм культуры. Дис...канд. филос. н. Томск, 2018. 143 с.
3. Подвойский Д.Г. В объятьях картонных богов: о магии имен, силе слов и фетишизме символического в социальной жизни. Часть I // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 3-20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2301>
4. Шестаков В.П. Джон Мейнард Кейнс: интеллектуализм и культура // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 3(16). С. 98-106.

5. Drummond L. The Cultural Continuum: A Theory of Intersystems // Man. 1980. № 15(2). P. 1-32.
6. Stephenson J., Barton B., Carrington G., Gnoth D. Energy cultures: A framework for understanding energy behaviours // Energy Policy. 2010. № 38(10). P. 6120-6129.
7. Warde A. After taste: Culture, consumption and theories of practice // Journal of Consumer Culture. 2014. Vol. 14(3). P. 279-303.